

— Для меня крайне странно, что можетъ быть вопросъ объ этихъ несчастныхъ пяти тысячахъ, — сказалъ Никодимъ Павловичъ, и сигара дрожала въ его пальцахъ. — Впрочемъ, если вы измѣнили ваше намѣреніе дать Раисѣ Николаевнѣ пять тысячъ, въ такомъ случаѣ, Варвара Тихоновна, слѣдовало бы...

— Возвратить ихъ вамъ? — подхватила полная дама съ оживленіемъ и съ блескомъ въ глазахъ. И, Никодимъ Павловичъ, мнѣ самой нужны! У васъ куры денегъ не клюютъ, а мнѣ нужны. Мнѣ вотъ конюшню нужно покрыть, мужики оvinъ съ хлѣбомъ сожгли, приказчикъ надулъ... Ужъ развѣ въ томъ году. Мы свои люди... Не обижайте меня! Мнѣ жить, Никодимъ Павловичъ, можетъ, осталось немного. Вотъ голова болитъ...

Она протянула руку и взяла своими бѣлыми короткими пальцами пахучій мигреневый кристалль, поднесла его ко лбу и стала имъ нажимать кожу съ видомъ глубокаго страданія. Прягинѣ машинально смотрѣлъ на ея пальцы съ крошечными мягкими ногтями, и въ душѣ его поднялось злобное чувство къ этой женщинѣ. Она была эгоистка и чуть не воровка. Однако онъ сдержалъ себя и, вставъ съ мѣста, взявъ свою шляпу, натянулъ перчатки и промолвилъ, глядя прямо въ глаза Варварѣ Тихоновнѣ своимъ сѣрымъ, тусклымъ взглядомъ:

— Такъ друзья не поступаютъ. Вы поставили меня еще въ болѣе неловкое положеніе. Это эксплуатація, Варвара Тихоновна, это злоупотребленіе, это... Имѣю честь кланяться.

Варвара Тихоновна вскочила и бросилась за Прягинымъ.

— Никодимъ Павловичъ, а Никодимъ Павловичъ! Да что же это вы! Ужъ никакъ разсердились? Послушайте!

Онъ остановился въ передней и повернулъ къ Варварѣ Тихоновнѣ лицо.

— Какіе могутъ быть еще между нами разговоры? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вернитесь, Никодимъ Павловичъ, и выслушайте, что я скажу вамъ, — увѣренно произнесла она, становясь между нимъ и платяною вѣшалкой. — Я не могу не объяснить вамъ. Я мать, хоть и не родная, но мать. Мнѣ больно. Позвольте, Никодимъ Павловичъ, я сдѣлала Раисѣ шесть платьевъ, не считая ситцевыхъ блузъ, три дюжины разнаго бѣлья, постель... Нѣтъ, вы выслушайте меня, Никодимъ Павловичъ! Шубку на чернубрыхъ лисицахъ съ собольимъ воротникомъ; простую шубку. Я не говорю уже, что два пальто, а также разныя тамъ мелочи — ботинки, перчатки... Позвольте, позвольте, Никодимъ Павловичъ! Я хотѣла бы знать, гдѣ теперь даютъ столько серебра даже за род-